

Знакомые имена

ЕВГЕНИЙ ЛЕБЕДЕВ

— Во время съемок приехали мы ночью на Волгу. Смотрю, огромная река разлилась, и конца не видно ее разливу. Потом пригляделся — это туман и деревья в нем по колено стоят. И Волга в раме из тумана — тихая, медленная, гладкая. Два парохода неслышно идут. А не-бо такое чумазое, белесое, как будто молочная бутылка. В лесу на том берегу кто-то заговорил, откашлялся. А вот птицы проснулись. И вдруг полезло солнце — холодное, громадное, лысину свою красную выставило...

Так рассказывал актер Ленинградского Большого драматического театра имени Максима Горького, народный артист СССР Евгений Алексеевич Лебедев. Да какое там рассказывал! За кулисами, в тесной гримборной, творился спектакль со множеством действующих лиц, которых упоенно изображал один-единственный актер. Он играл сразу всех: лысое солнце и деревья, лесных птиц, разбужившую его поутру ворону и даже ржавую железную банку на берегу. И еще играл себя — рассказчика, оказавшегося с глазу на глаз с этой красотой. Передать увиденное, как он, смог бы разве что ребенок с его первозданностью взгляда на мир.

Это ощущение не оставляет нас, когда мы видим Лебедева на сцене. Он сто первый спектакль играет, как первый, не уставая удивляться всему происходящему с его героями. Он с трагедийной мощью разворачивает перед нами житие толстовского Холстомера. Недоумевает и мается вместе со стариком Бессеменовым, видящим, как расползаются семейные связи. Мешает смех с отчаянием, проходя путь к безумию фанатичного карточного игрока. И — заставляет зал рыдать от хохота, виртуозно изображая похмелье горемык-пьяницы...

— Евгений Алексеевич, впечатление такое, будто вы одновременно и играете персонаж, и становитесь им?

— Ни то и ни другое. Я хочу персонаж понять. В работе я сразу и актер, и педагог, и режиссер. Разбираю не только свою, но и чужие роли — нельзя же человека изолировать от среды. Работаю все время — даже ночью, бывает. Но, знаете, чем больше ухаживаешь за ребенком, тем хуже он вырастает: хилый, избалованный. Вот и роль нельзя слишком опе-кать, но — непрерывно держать на прицеле, думать о ней. Это как костюм: будете чересчур беречь, непременно испачкаете, но и ему, костюму, нужно, чтобы любили, не бросали.

Когда готовлю роль, всегда делаю записи. У меня даже книжка есть — «Мой Бессеменов». Это актерский внутренний монолог. Еще Станиславский заметил, что действие вызывает у актера непосредственные личные эмоции, только ему присущие ассоциации. Вот Бессеменов. Сказать, что он — вылитый мой дед, неправильно, это неточный портрет. Но отталкиваюсь я от образа конкретного человека.

Вообще в нашей работе тайна есть. Я могу произнести слово, и оно оставит человека равнодушным, хотя и понимающим, о чем речь. Но если я верно найду тональность звучания — сказанное проникнет в сердце. Или вот еще тайна: на сцене у актера максимально концентрируются мышцы. Когда я играл ведьму в «Аленьком цветочке», прыгал на дерево. Меня однажды спросили, как я это делаю? «Очень просто, пойдем — покажу». Подошли, увидел я это громадное дерево и схватился за голову: как же я мог запрыгнуть туда?

— Вы и другие женские роли играли — Кабаниху, мадемуазель Куку. Как это удается?

— А как Толстой о женщинах писал? Он так их понимал, как ни одна женщина себя не понимала. Недаром говорят — «влезть в душу». Это значит, другой человек живет в тебе, где-то там весь помещается...

— Вы перепробовали разные профессии. В актерской работе это помогает?

— Вы не совсем верно сказали. Пробовать профессии — значит, знать. А я их плохо знаю. Кроме одной — вальцовщика, освоил ее на кондитерской фабрике «Красный Октябрь», в шоколадном цехе. Изучил весь производственный процесс, техминимум прошел, мог заменять мастера. Вообще моя трудовая деятельность началась очень рано — в двенадцать лет. Первая профессия — слесарь-лекальщик, в ФЗУ ее получил. Потом был грузчиком, арматурщиком, работал на стройке, в кузнице, на маслобойке, на колхозном поле. Да и в театре брал на себя всю бутафорскую ра-

боту. В спектакле Николая Охлопкова «Железный поток» трава, деревья — все мною ночами в подвале было сделано. И в Камерном театре помогал готовить оформление, выполнял лепные работы из глины. Тогда и открылось, что умею немного рисовать, лепить.

Позже, когда актером стал, делал гримировальными красками зарисовки в тетради: каким вижу героя. Еще фигурки из дерева мастерил, но это уже как отдых, отвлечение от работы. Пригождаются ли сейчас прежние мои умения? Тут вернее говорить о запасе впечатлений. Встречался с разными людьми, разговаривал, смотрел, запоминал.

— Пению вы тоже в те годы обучились?

— У моего отца хороший голос был, он даже в опере Зимина пел. И мне кто-то сказал: у тебя голос, в оперу надо! Я решил поступать в Гнесинское училище, хотя к ролям никогда в жизни не подходил и знал только церковное пение да попевки всякие, ну там: «Нас побить, побить хотели, нас побить пыта-ались...» Первый экзамен сдал, вижу — в списках моя фамилия. Пошел на второй тур, вызывают: «Лебедев!» Иду к сцене, а рядом еще один парень идет. Выяснилось, что принят мой однофамилец — и я под общий хохот убрался восвояси. Потом, уже в Центральном техникуме сценического искусства, со мной стал заниматься педагог по вокалу, готовить в консерваторию. Мне так смешно стало. А когда узнал, что у меня лирический тенор, от профессии певца отказался наотрез.

— Расскажите о первой встрече с Георгием Александровичем Товстоноговым.

— В тридцать пятом году. Оба были тогда студентами, жили в одном общежитии на Трифоновке. Позже работали в Тбилиси, правда, в разных театрах: он — в русской драме, я — в ТЮЗе, где решено было создать студию. Руководить ею стал Товстоногов, а я был у него педагогом. Но на занятиях сразу почувствовал себя учеником и сказал себе: вот бы мне такую голову! А потом — Ленинградский театр имени Ленинского комсомола и БДТ, десятилетия совместной работы. Творческий метод Товстоногова основан на природе органичных человеческих чувств и очень близок мне. На репетициях понимаем друг друга с полуслова, со взгляда. Наши вкусы сходятся, но это не значит, что мы всегда согласны друг с другом: бывает, и спорим. У меня — чисто интуитивное восприятие роли. А режиссер постигает ее логически и подталкивает мою фантазию.

— Над чем сейчас работаете?

— Репетируем «Смерть Тарелкина». Это будет опера-буфф по мотивам Сухово-Кобылина. Я готовлю роль Тарелкина.

— А что мечтали бы сыграть?

— Мно-ого! Короля Лира, например. Теперь-то уж не сыграю: эта роль требует огромной физической силы. Но занимался и занимаюсь Шекспиром все время. Мне везет на классику: десять лет жизни были связаны с творчеством Достоевского, пятнадцать — с драматургией Горького. А еще Пушкин, Гоголь, Толстой, Островский, Чехов. Недаром говорят: с кем поведешься... Самые мои любимые роли — те, что, будь я писателем, сам бы написал!

— Евгений Алексеевич, вы начали рассказывать о волжском утре. А дальше?

— Дальше мы вернулись в город. Поглядел: вокруг каменные дома с одинаковыми квадратными окнами, деревья прижаты к земле чугунными решетками, в воздухе плывет запах бензина, под ногами раскаленный серый асфальт. И так мне захотелось опять на Волгу...

— Но ведь не вернулись?

— А работа? Надо дело делать, как говаривал Серебряков. Хорошая фраза — пусть и смешна у этого позера, но по сути верна. А люди часто суетятся. В окно поглядите: все бегут! Так и хочется крикнуть хоть одному вдогонку: да куда ты бежишь-то? Работать надо! Я без дела себя уже не представляю. Отдыхать не умею: через два дня начинаю скучать. Мучает чувство ответственности, тянет на сцену. Я когда играю, ощущаю, как между мной и залом токи возникают. И всегда угадываю отношение зрителей — по тишине, по шороху в зале, по тому, какие у людей после спектакля глаза и как они аплодируют, а сами мыслями еще там, с героями. И я хочу, чтобы люди в театре обязательно задумывались, чтобы на мысль бросались, как на еду. Хочу рассказывать им о самом важном: о любви к человеку.

Интервью взяла
Татьяна ИСКАНЦЕВА.